

Виктор СБИТНЕВ
г. Кострома

ДВИЖЕНИЕ ПО ВЕРТЯЖАМ

Некоторое время назад один из центральных российских телеканалов решился на ретроспективу первого (дипломного) фильма Станислава Говорухина «Вертикаль», хорошо запомнившегося советскому зрителю прежде всего песнями полулегального тогда барда Владимира Высоцкого. Очевидно, именно из-за этих песен фильм быстро сняли с проката и потом почти не повторяли на ТВ. Но интонация от премьеры 1967 года осталась чрезвычайно стойкой на долгие-долгие годы: жестокие пики Приэльбрусья, неожиданный циклон на роковых высотах, противостояние мужских характеров и будоражащий голос самого свободного советского человека 60 – 70-х. Но сегодня вдруг что-то существенно переменялось! Нет, фильм воздействует, возможно, ещё сильнее. Но совершенно по другой причине.

* * *

Тогда в чрезвычайно богатой на разного рода художественные эксперименты середине 60-х не имевший практически никакого профессионального опыта выпускник института кинематографии Станислав Говорухин решил не искушать судьбу, прибегнув в режиссёрском дебюте к накатанной трёхчастной композиции.

Он искренне рассчитывал на художественную уникальность самого отснятого для картины киноматериала: неповторимого кавказского высокогорья.

Действие – предисловие – начинается с дружеской беседы участников альпинистской экспедиции в стенах уютного жилища и некой выработки общей стратегии восхождения. Причём каждый из собеседников, до конца осознав реальную опасность предстоящего, должен дать своё твёрдое согласие на участие. После чего Виталий Ломов, опытный альпинист, воевавший в аккурат на Северном Кавказе, по-военному

сурово предупреждает согласившихся: внимательно слушать меня и беспрекословно выполнять все мои команды, иначе там, наверху, нельзя. Это грозит гибелью каждому из нас, ибо все мы... на одной страховке. Запомним эту формулу бытия шестидесятых: «мы – на одной страховке»!

Вторая часть – основная! Это собственно неопишимо красивые горы Кавказа. Из 73 минут киноленты этот отрезок занимает больше часа. До поры хиты Высоцкого не звучат, звуковым фоном картины служат, на первый взгляд, пустяшные житейские диалоги обычных москвичей да успокоительная музыка Софии Губайдулиной. Впрочем, чем выше в горы – тем чаще в ней слышатся нотки сосущей тревоги. И герои всё спокойней смотрят на небо, в которое упирается ранее неприступный Ор-Тау. Более того, местный житель, старинный друг руководителя экспедиции Ломова Иракий (Бухути Закариадзе) сообщает о том, что несколько лет назад там, на вершине, навечно остался его младший сын. Оператор Альберт Осипов постоянно работает на контрастах чёрного и белого, холода и тепла, бесчувственных каменных пиков и жизнелюбивых весёлых людей. Кажется нереальным, что эти наивные, в общем-то, изнеженные цивилизмом московским существованием жителя, поделившись на две связки, полезут на эти совершенно голые, дышащие очевидной смертью уступы.

Тем не менее до базового лагеря (палатки) всё проходит весьма непринужденно, почти весело. В лагере остаются двое: врач Лариса (Лариса Лужина) и связной Володя (Владимир Высоцкий). Он осуществляет связь с метеоцентром и, если что, со спасателями. Две связки по два альпиниста в каждой отправляются к вершине. Эфир буквально взрывается от пронзительного хрипа:

*Здесь вам не равнины, здесь климат иной,
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом идёт камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,
Но выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа!*

Это сигнал, это крутое, как обрыв, начало смертельно опасного времени «Ч». Всё. Бытие группы перешло из привычной для обывателя горизонтали в полную невероятных неожиданностей вертикаль, суть которой неторопливо и с пониманием дела излагает скептически настроенной Ларисе уже не раз бывавший ТАМ Володя. Добрая практичная Лариса просто не понимает,

зачем лезть на эти страшные горы, преднамеренно создавая себе опасные для жизни препятствия, если и там, дома, полно разных проблем и трудностей, которые постоянно приходится преодолевать? На это он философически замечает: «Препятствия, о которых ты говоришь, расположены как бы в одной плоскости, ну... по горизонтали. А в горах у человека появляются новые, неизвестные черты души: он живёт как бы в ином измерении – по вертикали».

Фильм явно не только и даже не столько про горы, но о философии и смысле человеческой жизни в принципе. Здесь, «на вертикали», каждый человек вольно или невольно вынужден решать для себя гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» И вот когда Лариса всерьёз задумывается над этим, Володя получает тревожное сообщение из метеоцентра: к Ор-Тау движется сильный циклон. Вот она, главная шекспировская теза: какая тебе цена? Необходимо срочно отзывать группу с вершины, поскольку через несколько часов горы накроет сплошная снежная метель. Но с альпинистами долго нет связи, они находятся на крутом подъёме, просто не имея возможности слушать эфир (это 60-е годы!). Наконец связки выходят на плато и связь восстанавливается. Но получивший тревожное сообщение Геннадий (самый молодой и беспечный в группе) скрывает его суть, успокаивая Ломова, что, дескать, всё в порядке: можно отправляться к вершине. Чем он руководствуется? Во-первых, до пика всего две-три сотни метров, а позади самый трудный участок, преодолеть который было невероятно трудно, почти невозможно. А они преодолели! Он полагает, что оставшаяся часть подъёма – ерунда... Они должны успеть! Во-вторых, у всех скоро заканчиваются отпуска и следующее восхождение можно совершить лишь через год. А что там будет через год – поди узнай! И, в-третьих, он малоопытен и совершенно не представляет себе подлинной опасности надвигающейся непогоды. Ну и, конечно, самоуверен, болезненно честолюбив, или, как говорим мы сегодня, не вполне адекватен. И они устремляются к вершине... и покоряют её:

*Мы рубим ступени. Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце к вершине готово бежать из груди...
Весь мир на ладони. Ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем –
Другим, у которых вершина ещё впереди.*

Они сделали это! Впервые взошли на ранее неприступный Ор-Тау! Но небо на глазах мутнеет, и окрестный блистающий мир исчезает во всепоглощающем разгуле вьюг. Как у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Я выглянул из кибитки. Всё было мрак и темень». Начинается самая трудная часть маршрута: спуск. Идут они практически вслепую, на ощупь. Снаряжение становится бесполезным. Угроза сорваться в пропасть возрастает с каждым шагом. И без того отчаянная ситуация усугубляется ещё и тем, что напарник Ломова по связке Геннадий (в наказание?) теряет зрение из-за снежной слепоты (потерял солнцезащитные очки и «насмотрелся» на ледники): «И спускаемся мы с покорённых вершин, оставляя в горах своё сердце...» Увы, на сей раз горы могли забрать не только часть человеческих сердец, но и самих людей, как это случилось несколько лет назад с младшим сыном Ираклия, покусившимся на Ор-Тау в одиночку. Альпинисты случайно (!) натываются на его занесённую снегом палатку, где к обледеневшему трупу прищиплена предсмертная записка: «Сломал ногу. Не могу зажечь примус. Отсырели спички. Нечем открыть консервы». Вот она, истинная плата за вызов гордым кавказским хребтам! Но москвичей четверо, и они друг за друга – насмерть. Тем не менее измотанные до предела люди решают оставить ослепшего Геннадия под защитой огромного камня... на некоторое время:

*Нет алых роз и траурных лент
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил...*

Первым до базовой палатки добирается обесилившийся Ломов, что позволяет Ларисе и Володе со свежими силами устремиться на помощь отставшим. У альпинистов обморожены лица и руки, но они счастливы... теперь уже тем, что остались живы, что их спасли друзья. И это лейтмотив всей картины: люди, мы сможем быть по-настоящему счастливыми только все вместе!

Рискну назвать это главной идеей советского человека 60-х годов, которые я навсегда запомнил и уяснил цепким сознанием ребёнка. И вот сегодня, оглядываясь далеко назад, в своё невозвратное социалистическое детство, я небезосновательно полагаю, что фильм «Вертикаль» прежде всего заставляет пронзительно ощутить весь драматизм неверно выбранного пути. Казалось бы, победили в самой страшной за всю историю человечества войне, отстроили

страну заново, вырастили оптимистичную, жизнеспособную молодёжь. Вперёд, к вершинам! Но, как выразился один американский юморист, «видно, что-то случилось с карбюратором». И жизнь пошла не в гору, а под...

Неслучайно обессиленный Ломов неожиданно (!) нащупывает в отвалившейся горной породе старые, отстрелянные немцами гильзы:

*А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасён,
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.*

«Вертикаль» надёжно держится и на фронтовой хронике, запечатлевшей на горных пиках Кавказа специализированные подразделения Рейха типа «Эдельвейса».

Встречался здесь Ломов и с ними:

*Сверкал закат, как сталь клинка,
Свою поживу смерть искала
На плоскогорьях, а пока
Взвод забирался в облака
И уходил по перевалу.
Отставить разговоры!
Вперёд и вверх, а там
Ведь это наши горы –
Они помогут нам...
... они помогут нам!*

Горы, вертикаль, конечно, помогут, но Ломов уже немолод, а у молодых этого «сквозного», объединяющего по вертикали людей опыта нет. А западный буржуазный мир... он не изменился, и Советский Союз ему – как кость в горле! Точнее, даже не СССР, а вот такие воистину пропитанные «светлым будущим» мужчины и женщины, овеванные новой, ещё неведомой человечеству жизнью, для которых буржуазность и подлость – синонимы.

Третья, заключительная, часть «Вертикали» – послесловие – чрезвычайно короткая. Альпинисты выходят из вагонов на Курском вокзале. Их встречают соскучившиеся жёны и мужья. Они веселы и беспечны. Москва тоже полна приятных сюрпризов и чудес! Они легко расстаются, уносимые людскими множествами грандиозного социалистического Центра.

Только Володя, отчего-то печальный, уходит один... с гитарой за плечами. И от этого становится немного не по себе, словно авторы фильма

предупреждают нас: вот они спустились с гор, простились, и всё... Вы их больше никогда не увидите, как и саму вертикальную жизнь страны. Она постепенно истает, как полноводная река в солончаках азиатской пустыни. Остаётся только память о «вертикали», о жизни, как прекрасном неукротимом движении вверх:

*Кто здесь не бывал, тот не рисковал,
Тот сам себя не испытал –
Пусть даже звёзды внизу он хватал с небес.
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятую долю таких красот и чудес.*

Сегодня мы живём внизу. В нашем обыденном сознании существует лишь одна вертикаль – «вертикаль власти», откуда нам загруженные громадами неотложных дел властители время от времени сбрасывают кое-что на скудное чёрно-белое прожитие. И... обещания. Обещания – чаще.

В заключение должен признаться, что был не вполне прав в самом начале, заявив о некой уникальности фильма Говорухина как единственной в своём роде «досады» на неверно выбранное направление. Совсем недавно, уже в XXI веке, это ощущение исчерпывающе передал другой наш режиссёр – Алексей Учитель. Действие в его концептуальной работе «Предчувствие космоса»

происходит в 1957 году в крупном морском порту, пропащем волнующими запахами всех стран бесконечного мира. Но до самого мирового космоса советским людям не дотянуться. Им достаются лишь запахи перегружаемых для Центра товаров да позывные первого советского спутника. Из космоса. Люди с надеждой смотрят в небо, но этой очевидной вертикали они никогда не увидят. И это ровно та тоска, которой сегодня терзает душу созданная шестидесятниками «Вертикаль».

Виктор Альбертович СБИТНЕВ –

прозаик, поэт, журналист.

Родился в Москве в 1955 г.

Окончил филологический факультет и аспирантуру

ЛГПИ им. Герцена.

Печатался в «Нашем современнике», «Литературной России»,

«Мире Севера», «Губернском доме» и др.

Автор трёх книг прозы.

Главный редактор

литературного альманаха «Костромской собеседник».

Лауреат литературной премии журнала «Север» за 2016 год.

Живёт в Костроме.

